

КРОКОДИЛ

ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЙ.

Рис. М. Черемных.

Прибывшее в Иокогаму русское судно «Ленин» с грузом продовольствия немедленно получило приказ от властей покинуть гавань на основании подозрений, что судно якобы везет литературу для коммунистической пропаганды в Японии.

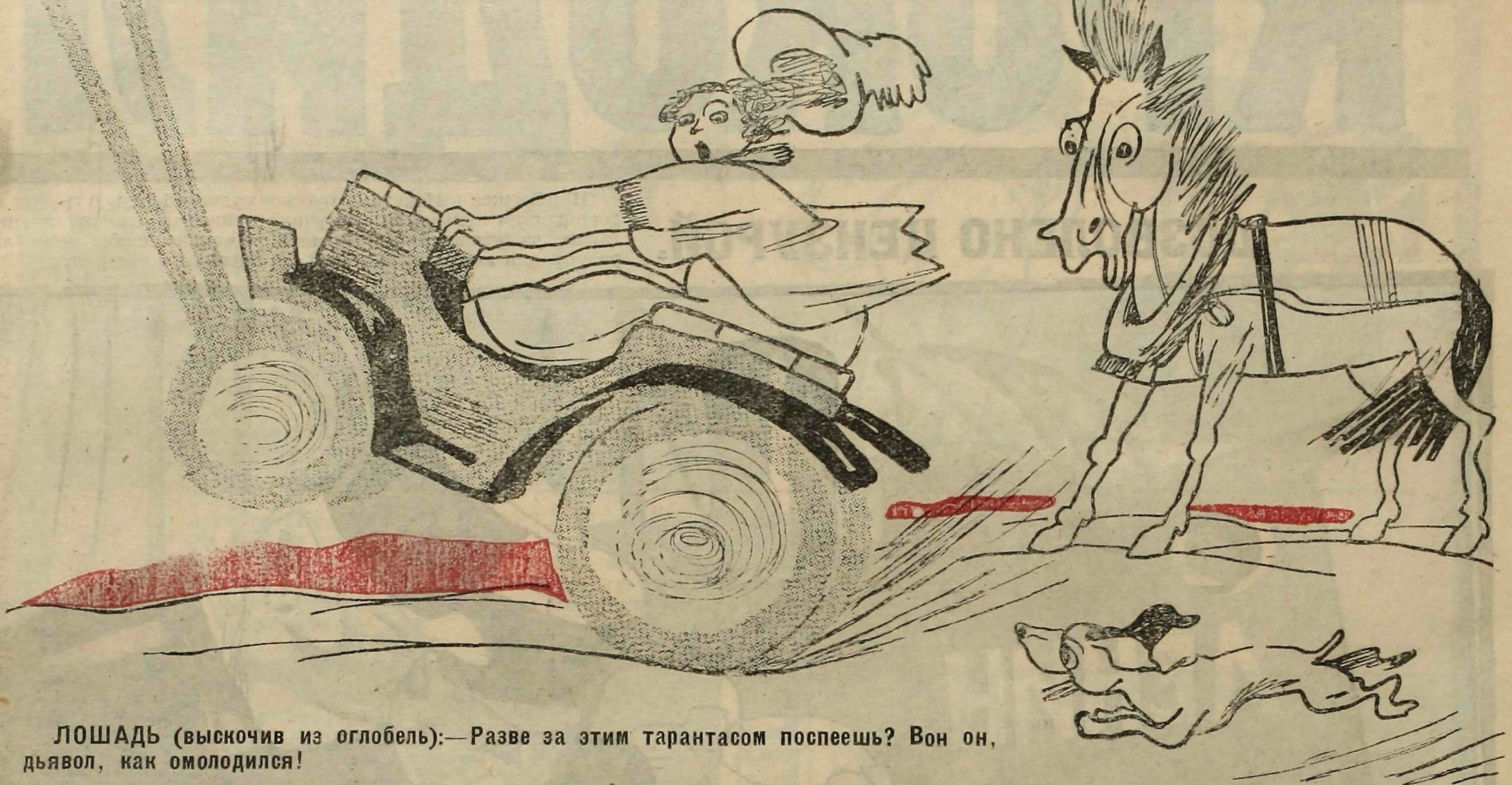

ЯПОНСКИЙ ЧИНОВНИК (смотря в лупу): — Этот мешок подозрительный: здесь есть одно зёрнышко, которое кажется мне как-будто красноватым...

Когда будут омолаживаться... тарантасы.

Рис. М. Черемных.

В Твери зав. физиологической лабораторией проф. Л. Н. Воскресенский с успехом ведет опыты омолаживания лошадей.

ЛОШАДЬ (выскочив из оглобел):—Разве за этим тарантасом поспеешь? Вон он, дьявол, как омолодился!

Страх ради большевика.

Микадо диктовал указ о всемилостивейшем повешении всех корейцев, когда вошел начальник охранной полиции Суки-Сини.

— О, солнце моей души и луна моего сердца! — произнес он по японскому обычаю. — Дозволь моему ничтожеству сообщить твоему величеству важные новости.

— Говори, прах моих ног! — ответил микадо.

— Во-первых, произведенное мною расследование выяснило, что землетрясение у нас произведено социалистами!

— Так я и знал! — воскликнул император. — Только они способны на такую штуку... Как же ты поступил с этими извергами?

— Я им слегка отрубил головы, о звезда моей печени!

— Хорошо сделал. Жалую тебе за это орден Зеленой Мандриллы. Дальше!

Начальник полиции поцеловал пятку микадо и продолжал:

— Пострадавшие от землетрясения бунтуют! Народ по своему невежеству есть хочет. Но есть нечего!

— Предложи им холодную закуску: пусть едят глазами начальство! Это подкрепит их.

— Слушаю, о мудрейший из мудрецов! Но это еще не

все. Главная опасность впереди. Я боюсь сказать тебе...

— Говори, блоха моей собаки!

Начальник полиции упал на колени и в отчаянии воскликнул:

— Мужайся, государь! Нам грозит гибель. Русские большевики прислали к нам... Ленина!

Микадо побледнел и зашатался. Корона на его голове затряслась, — таково свойство этого имени!

— Ленина? — спросил император дрожащими губами.

— Да, светоч селезенки моей, Ленина! Правда, он загришировался пароходом, но нас не проведешь...

— Не пускать! Не пускать! — в ужасе завопил микадо. — Выслать двести крейсеров и миноносцев!!!

Морской министр бросился исполнять приказ.

— Но и это еще не все, — шепотом доложил начальник полиции. — От русских рабочих для наших рабочих пришла посылка!

— Прокламации? — задрожал монарх.

— Не знаю. Я боялся вскрыть посылку. Она здесь.

— Этого еще не доставало! Большевицкая посылка в моем дворце!!

В виду явной опасности, был созван весь кабинет министров. С величайшими предо-

сторожностями приступили к вскрытию... Все стояли бледные, испуганные... Из вскрытого тюка вывалилось что-то круглое и покатило под ноги военного министра.

— Бомба! — закричал он. — Спасайтесь!

Все разбежались. Его величество высочайше залез под диван. Но, видя, что взрыва не последовало, все постепенно опять собрались.

— Какие-то банки. Написано: «Сгущенное молоко».

— Не вскрывайте! — испуганно закричал премьер.

— Разве вы сами не догадываетесь, что это не сгущенное молоко, а... сгущенный коммунизм. Тут что находится?

— Сушеная рыба.

— Не трогать! У русских вся рыба распропагандирована. Наестся ее наш рабочий — и свободы потребует!

В дальнейшем были обнаружены еще более опасные продукты. Особенно взволновала всех большая бутылка с желтоватой жидкостью. На этикетке было написано: «Подсолнечное масло».

— Ради самого Будды, — заволновался премьер, — не откупоривайте. Это — разведенный большевизм!..

В тот же день опасную посылку уничтожили. Умерших от голода рабочих хоронили несколько позже...

Д. Долец.

Мороз

„ПОД СОЧНЫЕ“ ЧАСТУШКИ.

Эй, Ванюхи, Гришки, Пети,
Будем вроде сльщиков;
Поразыщем Рабгазете
Миллион подписчиков!..

Нужен ей теперь, дружищи,
Небольшой придаточек;
Должен старый дать подписчик
Новых лишь десяточек!..

Принесет старанье это
Много нам хорошего;
Будем номер Рабгазеты
Стоить очень дешево!..

Митя, ты на мне женися!
Я ль тебе не парочка?
На газету подпишися
Мне взамен подарочка!..

Я хочу все знать получше,
Где какие жители...
Да отложим мы на случай
«Юные строители»...

И «Экран» люблю вполне я,
В нем картин обилие...
А других мне всех милее
Рыло Крокодила!..

Будем мы известны свету
Единицей крупной;
Всесоюзною газетой
Самой всем доступною!..

Не ленись, таян, старайся,
Вверх и вверх все цапайся!
Мы когда-нибудь и «Таймса» —
Смело сунем за пояс!..

Арзс.

ТИПЫ СОВРЕМЕННОГО СТУДЕНЧЕСТВА.

ОБЩЕСТВЕННИК.

Долгов окликнул меня, радостно обнял и сказал:

— Здорово, дружище! Какими судьбами, старина?

— А ты?

— Я, брат, теперь москвич. Я, брат, теперь студент, вот кто.

— Студент? А упродком?

— По-боку, брат, по-боку... К черту послал... И упродком, и шефскую комиссию, и бюро, и совместительство в коммунхозе, на все, дружище, рукой махнул и отбрыкался.

— И что же, отпустили?

— Какое там отпустили. Рвал, понимаешь, метал, настаивал, умолял... Уговорил уком, дали командировку в Вуз, так—на тебе! Губпродком не соглашается... Тыфу!.. Тяжело нашему брату на учебу вырваться. А ведь надо... Какого дьявола!.. Республике, брат, своя рабочая интеллигенция нужна, вот как... А не мы, неучи...

— Так ты, того, в ВУЗ'е. А на каком?

— Тоже... Спрашиваешь еще. Конечно, на ФОН'е... На отделении внешних сношений, брат... Ты и суди сам. Есть у нас сейчас свои обществоведы? Нет. А дипломаты нужны? Нужны... Ну и вот. У нас, дружище, три языка обязательны, а ты шутишь. Два новых и один восточный...

— Значит, здорово работаешь.

— Еще бы. Я, брат, совсем запарился. Вот и считай сам. В студенческой квартирной комиссии кто?—Я. На ком бюро ячейки держится? На тебе, что ли? Вот тебе и два. Кем бюро труда создано? Мною... Да чего считать. Минуты, понимаешь, свободной нет, а ты спрашиваешь...

— Да нет... Ты позволяй... Я в отношении лекций спрашиваю. Небось, в этом историческом материализме самому Бухарину сто очков дашь.

— Лекции,—неожиданно смутился Долгов:—я, брат, на лекциях еще и не был. Времени, понимаешь, нет. Видишь, даже сейчас некогда. Прощай, друг, бегу.

* * *

Через полгода Долгов забежал ко мне на квартиру.

— Здорово, дружище! Насилу минуту улучил. Прямо позарез занят..

— Ну как—с некоторой завистью спросил я:—занимаешься, верно, всюю?.. Пожалуй, Карахана перекараханил? Дипломат! По-английски, небось чище англичанина разговариваешь.

— Английский. Черта с два он мне нужен.

— Ну французский.

— И на французский, брат, наплевать!

— То-есть, это как? А если за границу пошлю?

— Далась мне твоя заграница. Мне, брат, в лаборатории работать нужно, а не по заграницам шляться.

— Это у вас на Фоне лаборатория?

— Ничего не на Фоне. На Фоне, брат, буржуазные девицы женихов ищут, а не учатся. Это, друг, не наука, а финтифлюшки какие-то. Тыфу!.. Наш брат, рабочий интеллигент, естественные науки изучать должен. Вот это—дело...

— Значит, ушел с фона?..

— Еще бы. Я, друг, теперь на химическом. Ты вот представь себе... Высшая математика, а... Точность... Органическая химия, брат... Кислород, брат, азот... Кристаллография...

— Ишь ты. Орудует, стало быть?

— Да так... Занят, понимаешь ли, зверски. Ты вот иобрази. Смычка с крестьянством, это тебе так себе? Знаешь ли, что Ильич говорил...

— Позволь! Я вот, относительно занятий...

— Ну да... У нас, брат, подшефная деревня есть, литературу на-днях посылаем... Да постой, друг,—неожиданно спохватился он—я ведь, того, засиделся... В шесть—перевыборы бюро, в семь—в главпрофобр надо, а я сижу...

— Погоди!—остановил я:—а как у тебя с учебой?

— Ну и чудак—возмутился Долгов:—сам видишь, минуты свободной нет, из комиссии в комиссию бегаю, а ты—туда же... Может на лекции прикажешь ходить?.. А?... Я, брат, и рад бы, да куда же. Вот погоди, с осени в лаборатории работать буду. Республике, друг, образованные люди нужны, а не мы, неучи...

* * *

Этой осенью Долгов заявился ко мне в редакцию.

— Ты вот что, брат, в газеты пишешь. Вот и напиши о них.

— О ком?

— Понятно, о ком. Сволочи...

— Да кто?

— Все... И профессора, брат, и ректор, и главпрофобр.

— Да чего ты?

— Как чего? Выставили, друг, понимаешь ли... Из университета выставили... Это—меня, коммуниста, рабочего-интеллигента, а... Ну не контрреволюция-ли? Боролся, на фронтах был, вырвался наконец, в ВУЗ, мучался... И что-ж ты... Взяли и выбросили за дверь... За мало-ус-пеш-ность! Да ты пойми... Меня—за мало-ус-пеш-ность! А ты спроси, кто смычку провел?—Я. На ком ячейка держалась?—На мне... Эх, брат—и голос Долгова жалобно задрожал:—когда мы нужны были,—совсем иной разговор был.

— И что же—спросил я:—думаешь восстанавливать себя?

— Восстанавливать,—встрепенулся Долгов.—К черту!.. Нужен мне их химический факультет... для этого, брат, спецы найдутся... Нет, друг, республике сейчас нужны высоко-квалифицированные газетчики. Я, брат, заявление уже в Институт Журналистики подал. Вот—это дело... А то—химия. Кому она нужна, твоя химия?..

— И что же—спросил я:—думаешь восстанавливать себя?

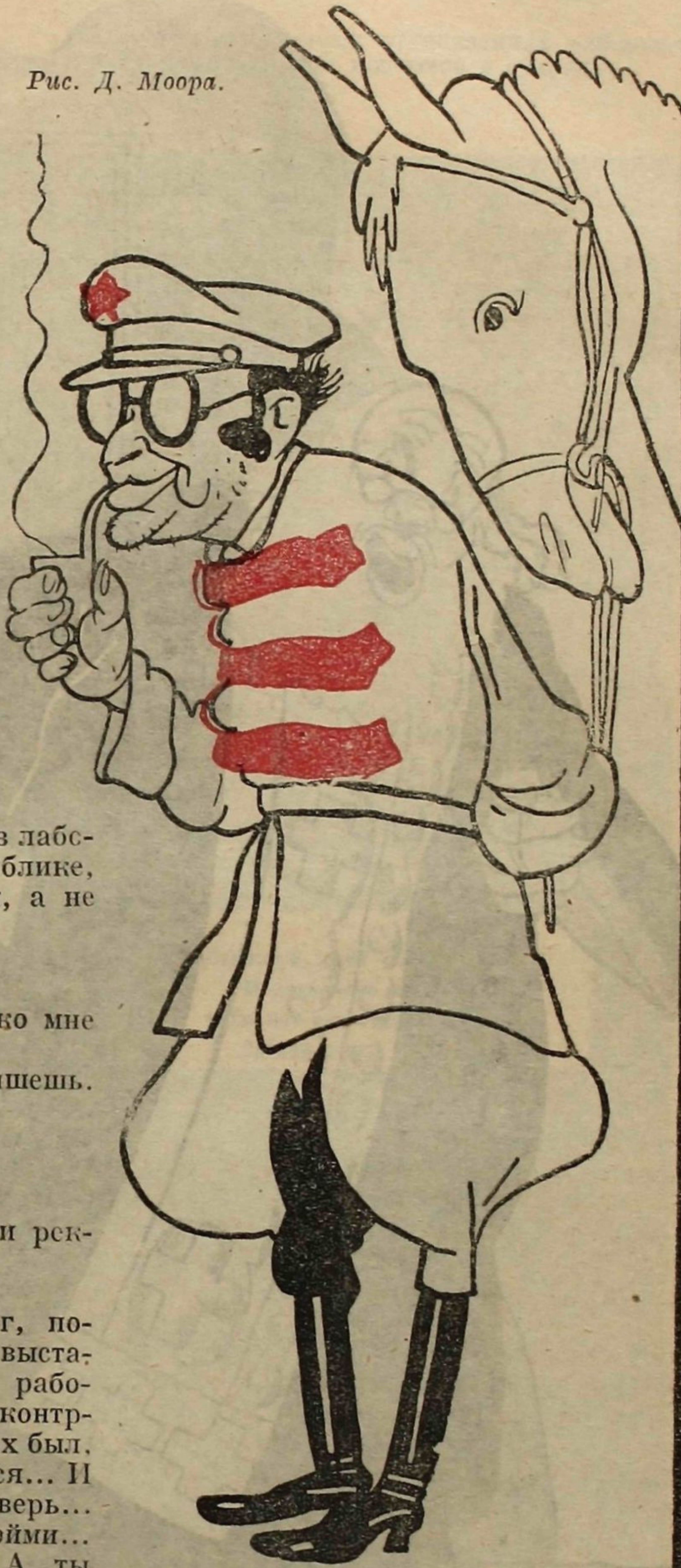
— Восстанавливать,—встрепенулся Долгов.—К черту!.. Нужен мне их химический факультет... для этого, брат, спецы найдутся... Нет, друг, республике сейчас нужны высоко-квалифицированные газетчики. Я, брат, заявление уже в Институт Журналистики подал. Вот—это дело... А то—химия. Кому она нужна, твоя химия?..

Свэн.

Дружеские шаржи „Крокодила“.

Тов. Радек получил звание почетного красного командира.

Рис. Д. Моора.

Тов. Радек—красный командир.

ВЫШЛО В СВЕТ:

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ

Собрание сочинений в одном томе

с портретом автора.

КРАСОЧНАЯ ОБЛОЖКА

работы художника В. Сварога.

Вступительная статья
Н. С. ЕРЕМЕЕВА.

Критический очерк
Л. ВОЙТОНОВСКОГО.

Невежливый поп.

Рис. Д. Моора.

Как сообщают из Берлина, поп одного из та-
мошних православных храмов так разошелся в
своей злобной противобольшевистской проповеди,
что у алтаря начал... матершинить.

ПОП:—Ах, оги, мать...

МАТЬ БОГОРОДИЦА.—Что это ты?! Нельзя же так выражаться при дамах...

ТРАТА ВРЕМЕНИ.

(Посв. лиге «Время»).

У нас не умеют ценить время. Мы опаздываем везде и всюду. Секунды, минуты и часы расхищаются нами так же беззащитно, как если бы это были деньги. Недавно у меня самого похитили из кармана очень верные, с заводом без ключа, вороненые... впрочем, я не то хотел сказать.

Я хотел сказать, что нужно записываться в лигу «Время».

На эту именно тему мне пришлось как-то беседовать с одним рабочим...

— Взять хоть бы нашу фабрику...— сказал рабочий.—Ставки у нас небольшие, но прожить можно. Беда, знаете ли, не в этом. Беда в том, что жалованье мы получаем всегда с запозданием! Вот и на этот раз...

— Эх, эх, ох-хо-хо-хо!..—укоризненно перебил я.—Везде-то и всюду мы опаздываем, товарищ! Не умеют у нас ценить время! Посудите сами: вы, рабочие, до такой степени не соображаетесь со временем, что опаздываете получать свой собственный заработок! Неужели так трудно поступить в лигу «Время» и... и... взглянуть на часы, товарищ?..

Но рабочий махнул рукой и мягко возразил:

— Какая там лига, товарищ! Вы меня не поняли. Рабочие никогда не опаздывают получать заработок, но администрация опаздывает выдавать его.

— Г-м,—сказал я.—Ей, конечно, еще менее простительно... Опаздывает,—а вам ждать приходится. В результате, рабочие, вероятно, недовольны...

— А еще бы! Чем тут довольным-то быть?

— Вот-то-то и есть. А кто виноват? Виновата общая наша манера, общая наша привычка—не дорожить ни своим, ни чужим временем! В этом—корень всех зол! Мы настолько некультурны в этом отношении, что карманные часы, например, до сих пор считаются у нас чуть ли не предметом роскоши, почти ненужным украшением... У кассира-то у вашего есть часы?

— Что кассир!.. Не в кассире дело!—опять махнул рукой рабочий.—Он, что ли, кредитами распоряжается?..

— Г-м,—сказал я.—Ну, все равно... Возьмем хотя бы директора. Допустим даже, что часы у него имеются. Но, товарищ, привыкли ли мы, умеем ли мы сверяться с часами? Спросите у иностранца, который час,—он ответит: «Двадцать две с половиной минуты пятого»... Спросите у русского человека,—он скажет: «Четыре часа, пятый». Двадцать минут у нас не считаются ни во что! Часы, отстающие или уходящие вперед на пять минут в сутки, считаются у нас верным! Опоздать на полчаса—это у нас не считается за опоздание! А между тем...

Говорил я долго, проникновенно и разумительно. Необходимость сбережения времени доказывал убедительно и неопровержимо. И, доказав, закончил:

— Да вот, недалеко ходить... Запоздали у вас с выплатой денег. Рабочим пришлось ждать. Время, затраченное на ожидание, пропало зря. Между тем, у рабочего человека не так-то много свободных минут! У вас на сколько времени запоздали?

— Это с получкой-то? — переспросил рабочий.

— С получкой.

— В последний, например, раз?

— Ну, в последний...

— В последний раз,—сказал рабочий,—только на три недели запоздали. А бывало, что запаздывали и на месяц!

У нас не умеют ценить время. Мы не привыкли дорожить временем: ни своим, ни чужим... Эх!..

Ну, какого чорта, например, затратил я столько времени на разговор о лиге «Время», о минутах и о часах?..

Грамен.

КОНКУРС НА СОВДУРАКА.

ТОВАРИЩИ-ЧИТАТЕЛИ

Присылайте материал на конкурс по адресу:

Моск.:а. Охотный ряд редакция журнала
«Крокодил».

Советы молодым спортсменам.

Во многих спортивных организациях наблюдается недостаток спецспортивных костюмов и снарядов.

Д. Моора.

Рукавиц боксерских нет?
Ставши в позу друг пред дружкой,
Сняв пиджак свой и жилет,—
Обмотай кулак... подушкой!

Действуй, свой блюдя престиж
И находчиво и скоро:
Если нет готовых лыж,
Сделай лыжи из... забора!

Нет ракетки и мяча?
Не ходи волков свирепых:
Теннис — мил? Так горяча
Бей топатою по репе!

К спорту радостно беги,
Ничего нет лучше в мире.
Выжимайте... утюги,
Если нет под боком гири!..

Когда аэроплан дострою...

Рис. Д. М.

Как птицы, люди все летают,
А я не в силах полететь.
Частей в машине не хватает,
Чтобы пропеллер завертеть.

Когда аэроплан дострою,
Я подымусь за облака,
Я опущусь на дно морское,
И разыщу совдурака!..

ВЫЗОВЫ.

1) От имени Директора-Распорядителя Правления САРПОЛИГРАФПРОМА т. В. А. Нирпичникова препровождаю при сем на аэроплан «Крокодил» ОДИН ЧЕРВОНЕЦ, с указанием, что т. Нирпичников вызывает последовать его примеру: 1) Председателя Саратовского Губернск. Совета Нар. Хоз. т. Алексева; 2) Председателя Саратовского Губернск. Союза Печатников т. Кузнецова и 3) Члена В. Ц. И. Н. т. Венкова,

УПОЛНОМОЧЕННЫЙ САРПОЛИГРАФПРОМА.

2) Препровождаю при сем на аэроплан «Крокодил» ОДИН ЧЕРВОНЕЦ, вызываю последовать моему примеру: 1) Заведующ. Администрат. Технич. Частью Правления САРПОЛИГРАФПРОМА т. Е. С. РЕШ и 2) Завед. Финансово-Счетной частью того же Правления т. РИЛЬ.

УПОЛНОМОЧЕННЫЙ САРПОЛИГРАФПРОМА.

ГИБЕЛЬ ТРЕСТА.

Теперь, когда волнение умов, вызванное сенсационным событием, улеглось, когда газеты подобрали последние крохи подробностей с необычайного происшествия, можно спокойно рассказать историю гибели треста, виновником которой оказался скромный, тихий секретарь Подбородкин.

Утром 27 августа Подбородкин вошел в кабинет председателя треста с папкой бумаг для подписи. Почтительно дождавшись, когда на последней бумажке председатель сделал завитушку, Подбородкин почтительно сказал:

— У меня возникла идея. Мы тратим большие средства на объявления в газетах. Результат ничтожный. Лучше организовать небольшую передвижную труппу. Производственный репертуар. Наглядная пропаганда и агитация наших продукции...

Председатель, отличавшийся живым, сразу схватывающим суть дела, умом, не дослушав Подбородкина, живо сказал:

— Превосходно! Хорошо. Согласен. Закажите литераторам репертуар, пригласите актеров. Труппа минимально три человека. Действуйте.

Подбородкин с почтительным удовлетворением наклонил голову и выйдя из кабинета начал действовать, срочно разослав во все газеты объявление:

«Для передвижного театра, организуемого трестом X, требуется репертуар и актеры. Подробности у секретаря треста тов. Подбородкина от 12 до 5».

Объявление появилось в газетах 28-го, а 29-го в комнате Подбородкина толпилось человек сорок посетителей, среди которых самый опытный глаз не смог бы отличить актеров от литераторов.

Первый, схвативший Подбородкина за руку и энергично ее потрясший, был литератор Синаев. Он уселся на стол, извлек из кармана кипу помятых, засаленных бумажек и потрясая ими перед носом обескураженного Подбородкина, загрохотал:

— Репертуарчик! Первый сорт! Комедии, драмы, сценарии! Особенно сценарии. Имейте в виду, этот сценарий заказан Госкино, но я уступаю вам. Изумительный сценарий! Масса трюков. Здоровый детектив! Три тысячи метров. Не нужен? Тогда берите вот эту драму. Ее заказал театр Революции, но я уступлю вам. Конструктивизм. Местницы. Здоровый смех. Что? Не нужна? Тогда вот комедия. Пять актов. Массовые действия...

В пять часов перед обалдевшим, плохо соображающим Подбородкиным стоял тридцатый по счету посетитель—актер Сушкин-Зарайский—и вкрадчиво шептал:

— Вам нужен резонер? Так я ж три сезона работал резонером! Что? Герой-любовник? Да-к, господи ж, это мое амплуа! Вы знаете Петю Горянского? Я у него в Казани героя-любовника играл. Могу быть простаком, фатом, комической старухой...

Утром 30 августа нашествие началось с девяти часов. Текущая работа треста приостановилась, так как все служащие, начиная от курьера и кончая председателем, были атакованы литераторами в засаленных шляпах и актерами в измятых кэпи.

— Что?!—кричал председателю низенький, курносый актер.—Вы предлагаете 75 рублей золотом? Да вы знаете, что я у Забудыгина получал за выход подтора миллиарда? 2.0 целковых и ни копейки меньше!

Председатель в отчаянии хватался за голову, изо всех сил надавливал кнопку звонка, но курьер не бежал на зов о помощи, так как не мог пробиться сквозь плотное кольцо окруживших его литераторов, наперебой выкрикивавших:

— Сто золотых за печатный лист! 50 червонцев за сценарий! Чорт с вами! Дайте двадцать лимонардов и берите пьесу!

Шелковыми стали.

Землетрясение в Японии, уничтожившее запасы и фабрики шелка, вызвало на Нью-Йоркской и Парижской биржах громадное повышение цен на этот товар.

Рис. М. Черемных.

ФРАНЦУЗСКИЙ КАПИТАЛИСТ (американскому): — 20 долларов за аршин! Смотри, каков там землетрясение! Я меньше не возьму!

Только в девять часов вечера служащим треста во главе с председателем удалось вырваться из помещения. Измученные, растерянные, они сбились в кучу в соседнем переулке.

— Чорт вас возьми с вашей идеей! — набросился на Подбородкина председатель. — Ведь нас теперь живьем съедят!

— Что же теперь делать? — плачущим голосом спросила машинистка.

— Бежать! — сказал председатель. — Бежать и как можно скорей. Иначе мы погибли.

Через час трест в полном составе, со сторожами и мальчиками-носильными, скрылся из города в неизвестном направлении.

Вот правдивая история гибели треста.

Если вы не верите, — пожалуйста, будьте любезны. ступайте к тому дому, где помещался трест и

вы увидите у подъезда вещественные доказательства: литератора Синаева и актера Сушкина-Зарайского.

Оба терпеливо ждут. Первый — аванса в счет гонорара за неприятый сценарий, а второй — заключения договора на 200 червонных рублей.

Архип.

ЖЕРТВА КУРОРТА.

После двухнедельных мытарств Галочкин получил, наконец, путевку для следования на курорт.

Врачи нашли у него малокровие, смешанное с общим переутомлением.

Галочкин в июльский дождливый день отправился на вокзал.

Когда он вышел на платформу, его неприятно поразила группа скелетов, желтых и унылых, стоявших в сторонке.

— Смотри, Лиза, до чего люди доработались. Мне прямо совестно на курорт ехать вместе с ними...

Под мерный, убаюкивающий стук колес Галочкин забылся.

Ему снились большие горы, пропасти и, почему-то, назойливо все время вылезали вперед докторская трубка и молоточек для простукивания.

Когда Галочкин проснулся, напротив себя он увидел лицо, в котором самый непроницательный человек узнал бы ответственного работника.

— Вы куда едете?

— На Кавказ.

— Значит по дороге..

Разговорились... О событиях в Германии... о стабилизации русского рубля.

На четвертые сутки Галочкин распрощался с соседом и, вдыхая полной грудью горный воздух, отправился в приемник.

Врач попросил Галочкина сесть, потом лечь, выстукал его, и сказал:

— Вас, товарищ, направили к нам по ошибке; я нахожу у вас шум в легком и острейшую неврастению. Вам необходимы морские ванны. Поезжайте в Сочи...

Галочкин вздохнул, посмотрел с тоской на снежную шапку Эльбруса и поехал по назначению.

— Товарищ, вас осматривал не доктор, а коновал,—заявил авторитетно главврач сочинской санатории, к которому обратился Галочкин.

— У вас невроз сердца и в Сочи вам делать нечего; вам необходимы нарзанные ванны.

— Помилуйте, — взмолился Галочкин,—да я только что с Кавказа. Меня оттуда направили к вам,—это чорт знает что такое!

— Я вас прошу не кричать,—вспылил главврач,—я сам человек больной и нуждаюсь в лечении,—и сделал надпись на путевке:

«В Ялту по принадлежности»

Измученный и усталый Галочкин сел на пароход и доверчиво отдался воле волн.

Когда Галочкин подъезжал к Анапе, пароход начало кидать, как щепку, и через полчаса он, прижатый к борту, очутился в обществе мрачного субъекта, у которого из глотки вырывались поочередно остатки съеденного бифштекса и самые отчаянные ругательства.

Еще через десять минут Галочкин лежал в каюте и ясно ощущал, как весь пароход острым носом ежеминутно врзался ему в голову.

В Ялте на берег сползла какая-то бледная тень, в которой с трудом можно было опознать Галочкина.

Его снова выстукали, выслушали и утешили. Оказалось, что, наконец, Галочкин попал в нужное место.

— Только вот какая вещь,—сказал директор санатории,—вам придется недельки две пожить в частной комнате, а к тому времени у нас освободятся места, и мы вас примем...

— Да позвольте,—взмолился Галочкин,—у меня первого кончается отпуск!

— Ну, это уж вне моей компетенции,—мягко возразил директор.

Остаток отпуска у Галочкина ушел на добывание обратного билета.

Когда Галочкин слез с поезда его внимание привлекло одно худое и бледное, лицо, обладатель которого стоял в стороне, чемоданом.

— Бедный, вероятно на курорт едет,—подумал добрый Галочкин и вспомнил группу скелетов, которых он видел на вокзале при отъезде.

Но внезапно объект его сострадания подошел к Галочкину, сделал попытку изобразить улыбку на лице и произнес:

— Товарищ Галочкин, какая встреча; помните, мы вместе с вами ехали в поезде, на Кавказ... отдыхать!

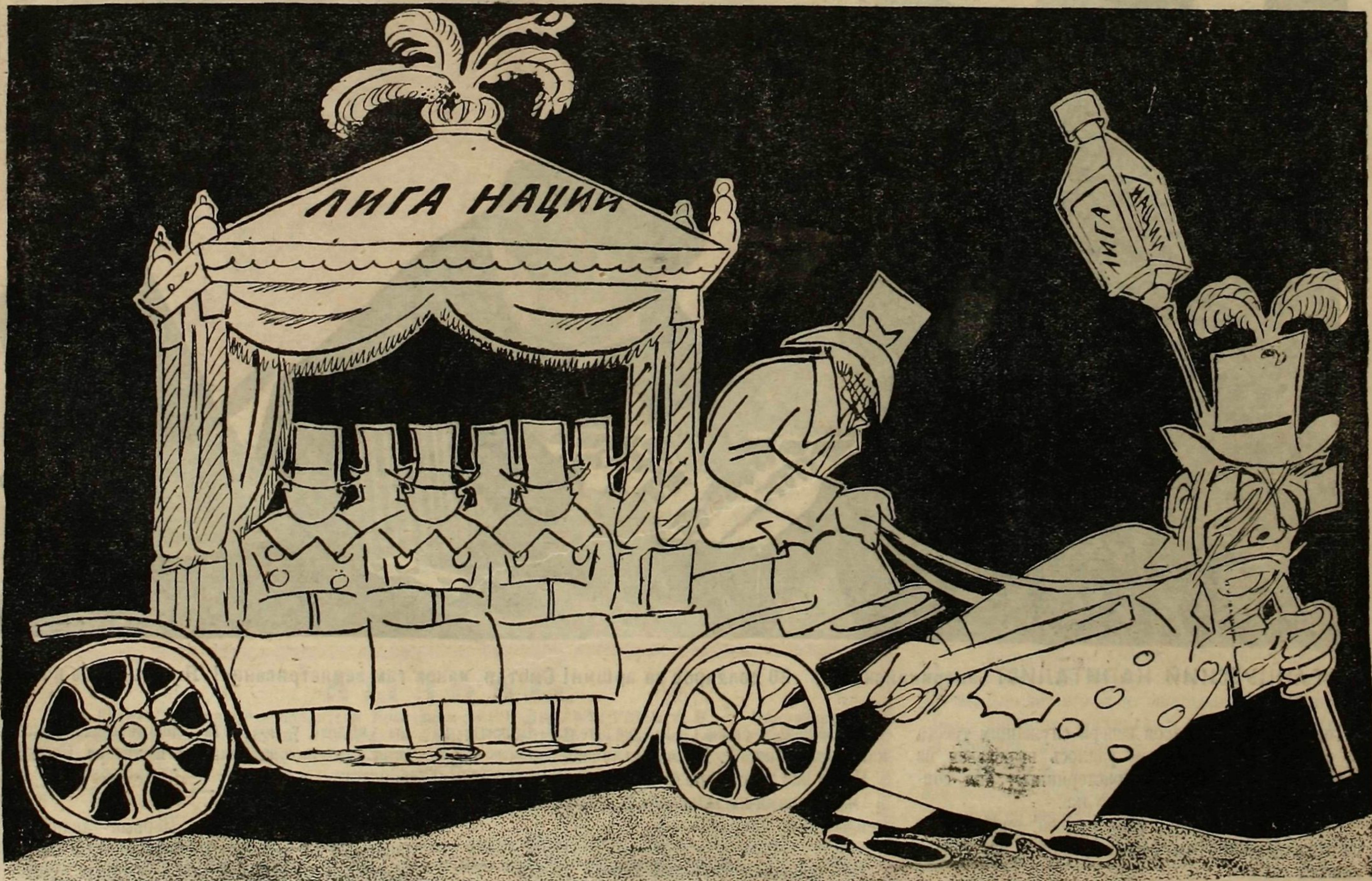
— Да, было такое дело—промямлил Галочкин, и, стараясь ни на кого не смотреть, поспешил сесть на извозчика.

И. Амский.

Загробная любовь.

Рис. Д. Мельникова.

Один из вождей амстердамского Интернационала — Гендерсон все еще уповает на Лигу наций: по мнению Гендерсона, Лига должна вести всеми международными столкновениями и разработать план всеобщего разоружения.

ГЕНДЕРСОН-ФАКЕЛЬЩИК:—А все-таки я возлагаю большие надежды на покойницу...

ВОЙНА ПОПОВ С КОМСОМОЛЬЦАМИ.

В подмосковных деревнях попы предают с амвона анафеме всех комсомольцев

Рис. М. Черемных.

Архирей во всю кадит,
Ладан кольцами.
Ой, не справиться ему
С комсомольцами!

Не спасешься ни крестом,
Ни веригами.
Олрокинет Комсомол
Тебя книгами!..

ЗОЛОТОЙ.

Пришла к Вавиловскому батюшке сморщенная старушенка с двенадцатью заплатками на спине. Увидал ее Вавиловский батюшка, нахмурился и говорит:

— Что нужно, старуха?

Поклонилась смиренно старуха, отвечает:

— До твоей милости, батюшка, обеденку отслужи по упокойнице, царства небесного попроси грешной душенке—внучкой она мне приходилась, другую неделю померла.

— Кто померла?

— Акулина наша, троих ребятшек оставила.

— Ты мне про Акулину не рассказывай, живете бедно?

— Знамо, батюшка, бедно! — вздохнула старушенка.

— Ну, ты вот что! — сказал Вавиловский батюшка, разглядывая на старухе двенадцать заплаток. — Если бедно живете, то и обедню служить не стоит. Помяну я при случае покойницу и то хорошо. А теперь мне некогда возиться и целый день понапрасну тратить.

— Как же ты ее помянешь? — спросила старушенка.

— Как умею, так и помяну, не тебе меня учить. Буду обедню в воскресенье служить и внучку твою выкликну.

— А я было обеденку отдельную хотела! — вздохнула старуха. — Значит, не будешь, батюшка?

— Нет, нет, не буду. Зачем тебе зря разоряться и меня от полевой работы отбивать? Бахчи у меня последи, туда тороплюсь. А ты домой иди, не сомневайся. У меня молитва крепкая и без обедни подействует...

Но в это время в руках у старушенки блеснул золотой.

вытащенный из-под заплатки. Глаза у Вавиловского батюшки испуганно загорелись.

— Это что у тебя? — схватил он старушенку за руку.

— Тебе хотела, батюшка, дать за обеденку, как по старому времени. Восемь лет берегла на помин души...

— Ну-ка, ну-ка, покажи! — вздрагивал батюшка.

Десятирублевый золотой был настоящий, с царской головой, с царским орлом, и ноги у Вавиловского батюшки вдруг подкосились, на глазах выступил елей. Зажав в кулаке давно невиданную монету, он ласково наклонил косматую голову и ласковым голосом успокаивал:

— Так, так, это хорошее дело, — помянуть покойницу. Это ты хорошо догадалась, бабушка, и господь-бог, конечно, не оставит твоей просьбы без внимания, а я его тоже попрошу. Матушка, скажи церковному сторожу, чтобы завтра к заутрене пораньше ударил — оудем обедню заказную служить за упокой рабы божией Акулины.

— Значит, отслужишь, батюшка? — спросила старушенка, смиренно шмыгая носом.

— Обязательно отслужу, будь покойна.

— Сколько штук, батюшка? Вавиловский батюшка подумал, поднял глаза в потолок и тихо сказал:

— Так и быть, отслужу тебе две обедни для голодного году...

— Две-то мало, батюшка! — Сколько же ты хочешь?

— А вот считай, сколько я тебе дала: десять рублей, по рублю за обедню, как по старому времени, значит, десять обеден.

— Ладно, четыре отслужу, угли больно дорогие нынче...

— Мало, батюшка! — упорствовала старушенка. — Надо прибавить.

Вавиловский батюшка, крепко сжав в кулаке десятирублевик, сердито сказал:

— Больше восьми не могу!

— Нет, батюшка, мало! — упорствовала старушенка. — Давай, видно, деньги назад, закажу в другом селе подшевле...

С минуточку батюшка стоял, как в лихорадке, нервно подплясывая, потом взметнул рукавами.

— Ладно, ладно, отслужу, иди домой, не кляузничай...

А когда старушенка вышла на крыльцо, Вавиловский батюшка весело подпрыгнул, кувыркнулся через голову, сшиб в дверях матушку, опрокинул стол и долго не мог успокоиться от радости, переполнившей сердце.

Опереточные революционеры.

Рис. Д. Моора.

„Революцию“ в Испании произвели девять генералов.

ГЕНЕРАЛЫ (поют на мотив „Китайки“):

— У всех у нас хоть генеральские манеры,
Но мы всегда-всегда ре-во-лю-ци-о-не-ры!

Смешна народу наша роль
И—любит нас король!

А. Невзоров.

Приключения мистера Стью-пидхеда в России.

Американские газеты уверяют, что большевики, мобилизовав больше 15 тысяч агентов, переодетых рабочими и крестьянами, мешают иностранцам войти в соприкосновение с другими гражданами.

Дорогие мои друзья!

Вы не можете представить, с чувством какого ужаса въезжал я в эту варварскую Россию! Я ехал, как вы знаете, своими глазами увидеть ужасы, постигшие эту несчастную жертву анархии, и правдиво осветить в американской прессе ее настоящее положение. Я ожидал видеть раздирающие душу картины, я вез в своих чемоданах сухари для раздачи голодающему населению, которое мой сытый вид может возбудить на... я не в силах сказать—на человекоубийство! Но... с первой же минуты я очутился объектом мистификации большевиков. На моем пути они устроили передвижные декорации, и я мог любоваться заново отстроенными деревнями, крестьянами, папущими землю, вокзалами и, наконец, городами!

Повидимому, большевики не пожалели сделать заказ самым хорошим художникам Германии (в России теперь не осталось ни одного художника), чтобы только обмануть вашего покорного слугу. Так некогда князь Потемкин обманул императрицу Екатерину, за что и был задушен в Кремле Малютой (Скуратовым *).

Я смотрел на эти города и деревни и думал:

— Вы можете меня обмануть, пока я еду в поезде. Но...

Но большевики оказались хитрее меня. Они не выпускали меня из рук своих агентов, которые под видом носильщиков погрузили мой багаж и меня самого на извозчика, так что не убедившись хорошенько, действительно ли передо мной улицы с магазинами, трамваями, автомобилями—а не яркая декорация—я опять очутился в дороге.

Простоватое лицо возницы внушило мне некоторое доверие, и я спросил его:

— Можно ли осмотреть Кремль?

Возница улыбнулся и, осмотрев меня с ног до головы, ответил, что туда «всяких с улицы» не пускают, а надо получить пропуск от начальства—и показал кнутом на живописную декорацию, заменяющую теперь для русских их историческую святыню, связанную с памятью великих деятелей—Ивана Грозного, Малюты Скуратова и Колчака**). Конечно, меня не пустят в Кремль, чтобы я не обнаружил их обмана перед иностранной прессой.

Возница отвез меня в гостиницу, вероятно устроенную специально для иностранцев, потому что я нашел в ней чистое белье, просторную комнату, и весь европейский комфорт, которого лишены туземцы. Я решил немедленно пойти и своими глазами осмотреть разрушенную Москву. Но прежде надо было закусить, и я зашел в ресторан, сел за столик и сказал прислуживающему молодому человеку:

— Только, пожалуйста, не кормите меня человеческой!

Молодой человек сделал большие глаза и вернулся с метр-д-отелем. Я не испугался и метр-д-отеля:

— Я, говорю, знаю, что вы кормите собачиной, лошадиной и овчиной... Я не хочу только человеческой!

*) Мистер Стьюпидхед ошибается—Потемкин умер на своей постели от лихорадки. Малюта Скуратов ждал во времена Грозного. Повидимому, мистер Стьюпидхед мало знаком с русской историей.

**) Повидимому, Ермака—но мистер перепутал за полным незнанием с русской историей.

Но и метр-д-отель и молодой человек оказались большевистскими агентами:

— Выведите его!—сказал метр-д-отель...—Через черный ход!

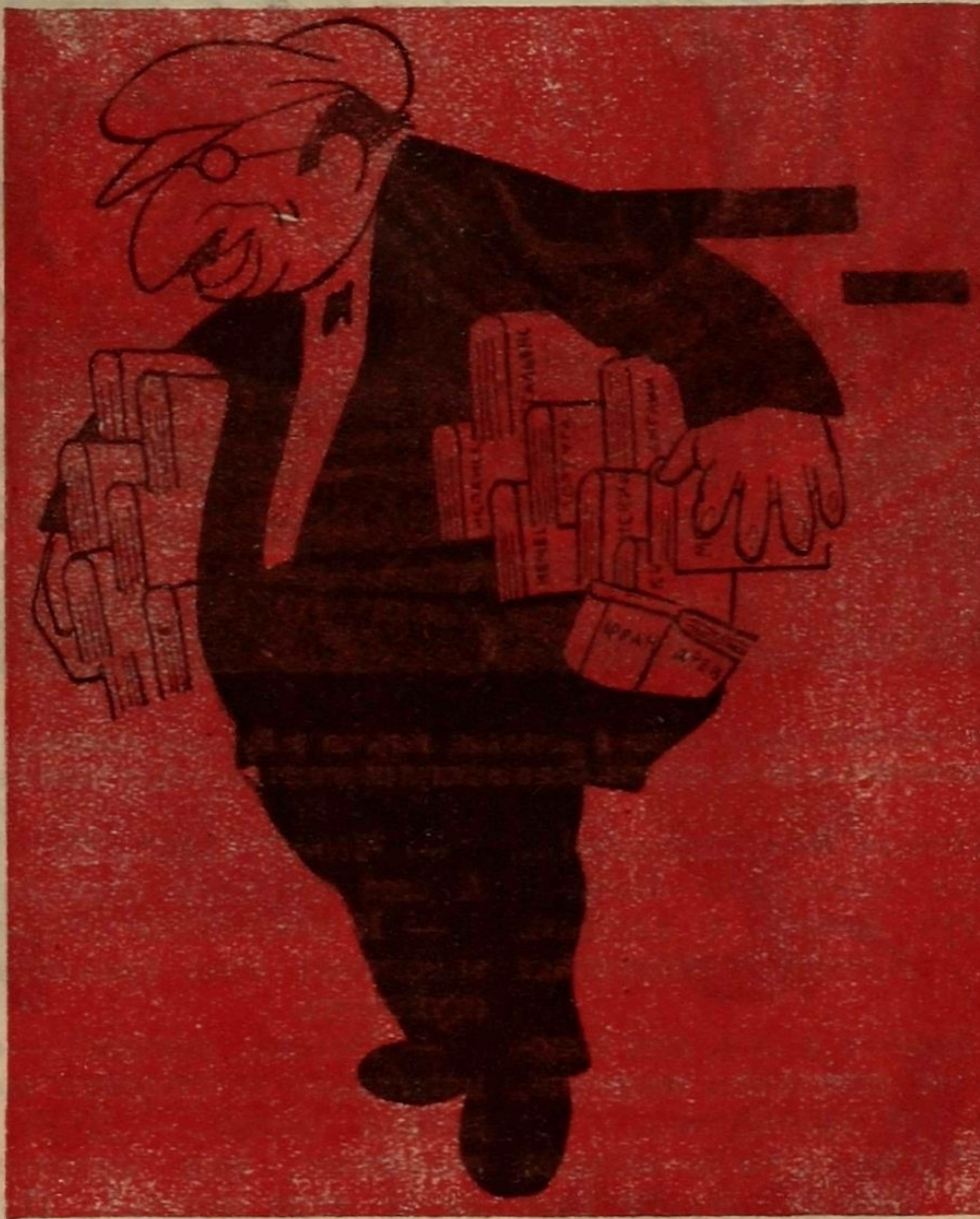
Я понял, что своими заявлениями открываю глаза на их проделки находящимся в ресторане одуроченным иностранцам, и не сопротивлялся. Агенты взяли меня под руки и буквально (о варварство!) выбросили на крутую лестницу. При этом они говорили, что меня «выставили». Я затруднился в понимании этого слова, но, наконец, понял, что в наказание я осужден быть теперь экспонатом на их сельско-хозяйственной выставке и скоро убедился, что упомянутая мною крутая лестница и есть кратчайший ход на эту выставку.

Тут я воочию увидел насколько лжива большевистская информация об этом якобы седьмом чуде вселенной—о городе, выросшем на свалке, о богатствах России, свезенных со всех концов этого обширного государства! И что я увидел: небольшое четверугольное пространство, окруженное со всех сторон высокими каменными стенами, под де-

Сельско-хозяйственную выставку посетители «табунают».

(Из речи т. Дунаевского)

Рис. Д. Моора.

Дорогие читатели! Нет-ли у кого-нибудь из вас готтентотско-русского словарика? Помогите тов. Брагину!

ревянными навесами стоят две лошади, одна корова, по двору бродит несколько кур и одна кошка. Вот и все российское животноводство! В качестве продуктов сельского хозяйства выставлено несколько кочерыжек от капусты и очистки картофеля, в качестве продуктов промышленности—лопата, сбруя—довольно-таки потрепанная, пролетка в роде той, на которой я ехал с вокзала, и испорченный автомобиль...

— Наконец-то я увидел Россию не с казовой стороны!

Лошади по рассмотрению оказались хорошо откормленными—но желая убедиться, не стал ли я и на этот раз жертвой обмана, я подошел к одному из этих умных животных и, погладив его рукой по спине, сказал:

— Милая—тебя обманывают! Ты заморена и вот вот издохнешь!

Но лошадь оказалась переодетым большевистским агентом. Она показала мне длинные белые (повидимому, специально начищенные) зубы и, громко заржав, ударила ногой по моему великопному

костюму, разорвав его и забрызгав какой-то вонючей грязью! Это было ужасно, мои дорогие друзья! Я был наедине с этим свирепым, подкупленным большевиком, животным—и мой костюм! Кто сможет в этой стране починить и вычистить мой костюм? А ведь роковые пятна на нем—это пятна на репутации великой заатлантической республики! Ржанье лошади разбудило какую-то образину—да, образину!—И я, не желая давать повод для новой войны, миролюбиво удалился с выставки, под злобные крики этой образины, пускавшей мне в спину самые отборные ругательства, которых нельзя передать по-английски,—и немедленно пошел к портному. Большевистские агенты и тут не оставляли меня. Они, переодетые мальчишками, бежали за мной, показывая на меня пальцами и хоча во все горло. Здесь я опять убедился, до какой степени белыми нитками шиты происки большевиков: мальчишки, которые должны демонстрировать на улицах рост табачной промышленности и благосостояние жителей, носили фуражки с надписью: Моссельпром! Они не скрывают, что одеты в советское платье—а по вечерам сдают это платье обратно и голые пробираются кое-как в свои землянки...

— Где это вас так?—улыбаясь, спросил портной. Они все улыбаются, глядя на меня—эти большевистские агенты—ибо и портной оказался таковым. Я ответил, что на сельско-хозяйственной выставке.

— Я, говорит, только вчера там был—такая чистота! Что же, вы видно жито огное раздражили?

И выразил удивление, когда узнал, что я дошел с выставки за пять минут.

— Выставка, говорит, за пять верст отсюда!

Я ответил, что для настоящего янки ничего не стоит пройти пять верст за пять минут, чем внушил несомненное уважение к моей родине этому варвару, который во все время работы смотрел на меня и по-сменвался. Костюм был исправлен, так что нельзя было заметить, где было порвано сукно. Я поблагодарил портного, выразив надежду, что он мог бы работать в Америке, и пошел скорее в близлежащий магазин, чтобы купить закуски: я порядочно таки проголодался. На окна магазина висели огромные окорока, лежали куски сыра и колбасы. Я знаю, из чего делаются подобного рода продукты в России и спросил себе селедку. И хорошо сделал: заглянув в витрину, я убедился, что и сыры и окорока и колбасы...сделаны из дерева!

Я спросил агента, который завертывал мне селедку:

— А из чего сделана селедка?

Но он уклонился от ответа.

В этом же магазине мне опять пришлось столкнуться с грубой невежественностью русских. Я предложил барышне, сидевшей за кассой, доллар—но она заявила, что принимает только червонцы. Я уже был осужден на голодную смерть, когда ко мне подошел заслуживающий доверия господин иразменял мои доллары.

— Послушайте,—обратился я к нему—надеюсь, вы не большевистский агент?

Узнав, в чем дело, он уверил меня, что я могу отнестись к его личности с полным доверием.

Я ответил, что сочту для себя за честь иметь дела только с ним и спросил, где можно его видеть. Он ответил, что «стоит» на Ильинке, и если я приду туда, он сам меня заметит и подойдет ко мне.

Мое настроение после этой встречи поднялось на три цента: я завязал связь с подлинным гражданином республики!

Мистер Стьюпидхед.

Примечание: Мистер Стьюпидхед по незнанию опустил письмо в почтовый ящик «Крокодила», откуда оно и было извлечено нашим сотрудником Беберей

Кипяченая вода.

(Страшное происшествие на выставке).

Вдоль по выставке по нашей,
Удивлен и очень рад,
Рот разинув, шлялся Саша
Ровно пять часов под ряд.

Приближался вечер темный,
Наконец, среди палат,
Видит Саша столбик скромный,
А на столбике—планат.

Саша парнем был упрямым
И прочел не без труда
На планате этом самом:
«Кипяченая вода».

Где ж водица? Нет. Обидно.
Надпись точно. Надпись, да,
А водицы-то не видно,
Хоть и сказано—вода.

Вдруг раздвинулись деревья
И подходит. Фрунт. В пальто.
— Нет воды тебе? Деревня!
А Москва-река—на что?

Так и сел в траву в бессильи
Бедный Саша. Ни ну-ну.
— Да... неужто... вски-пя-ти-ли,
А ты ж, матушки... реку?!?

И пошло от человека
К человеку шопотком:
— Слышь, на выставке-то реку
Вскипятили целиком!

Оливер Твист.

«ВОЛЧФАК»,

или

«Как переусердствовали».

Суздальский укомол решил взять в свои руки политическое просвещение ребятишек в детдомах. Решил и сделал: выделил политруков и по домам распределил.

Пошла «наука»! В одном из домов политрук читал детям в возрасте от 3-х до 7-ми лет «Азбуку Коммунизма», о капитализме, конкуренции и т. п.

Детишки, конечно, ничего не понимали и скучали.

«Призыв» (Владим).

При детдоме получился настоящий «факультет для волчков».

Входит суздальский политрук в «аудиторию» и начинает:

— Товарищи! Я прочту вам вступительную лекцию о капитализме и о влиянии его на производственные и бытовые отношения... Корчагин, не ковыряй в носу! Антигигиенично и неэстетично!.. Итак, капитализм базируется на принципе частной собственности на орудия производства... Мостолыжкина, повтори, что я сказал своими словами!..

Четырехлетняя курсантка моргает и не знает, что сказать...

— Ну, вот, и молчишь! А все потому, что невнимательна!..—упрекает ее лектор.— Ну, на чем базируется капитализм?.. Надо отвечать так... Повторяй за мной: Ка-пи-та-лизм!..

— Ки-пя-ти... ли...—лепетает курсантка.

АКУЛЫ.

Рис. Д. Мельникова.

Капиталистические акулы в изобилии водятся в Ругском бассейне. Любимая их пища — пот рабочих, хотя они не отказываются и от крови рабочих. Век этих акул не долг: они живут только до первой революции. (Почти из Брэма).

— Ничего не «кипятили»!.. сердится политрук.—Кипятить тут нечего, а слушать надо! Хренов, подскажи ей!..

Но Хренов и сам, как говорит на школьном жаргоне, «ни в зуб толкнуть».

— Что же, и ты не знаешь? Плохо, плохо!.. Ну, я продолжу пока, а потом спрошу... Будьте внимательней!.. Дабы детальнее анализировать конституцию буржуазного... Свищова, о чем ревешь?.. Пять лет, а держишь себя, как младенец!..Итак... О чем, бишь я? Ну, вот и сбили!.. Да, бросим ретроспективный взгляд на более раннюю ветвь генеалогического древа человеческих взаимоотношений, а именно—феодальный строй!..

— Про «строй» говорит... Значит, сейчас—«левой—правой—чорт кудрявый» будет!..—сказал один догадливый волчок другому.—Мыршировка!..

— Не разговаривать!.. Гатников, повтори, что я сказал!..

— Ежели—в строй, то сперва—левой, а потом правой шагают!..

— Что-о?! Пфф!.. Ну и ну!..

А еще студенты считают закончила одна трехлетняя студентка.

— погоди, погоди!..—оставляла ее старшая шестилетняя сестра.—Дядя рассказывает, как миндальный пирог надо делать!.. Придем домой, и я тебе сделаю, сладкий-сладкий!..

— Ну, это уже—из рук вон!..—кипятился лектор, глядя на разговаривающую и не слушающую его аудиторию.—Потише!.. Лаптев, о чем я объяснял?..

— Как стряпать... Политрук не выдержал далее и убежал!..

— Чего это с ним?..—удивленно произнесла старшая сестра, подтирая пол около младшей.

— Морока нашла на его!..—объяснил один 7-летний.—Землетрясение мозга... Небось, слыхала, каки слова говорил!..

— Каки? Все—немецкие... Только не объяснил, что с чем едят!..

Аргуе

Грызуны.

Рабфаковцы все свои средства тратят на любимые книги, забывая о еде и платье.

У рабфаковца Иванова Комнатенна так темна! Оклеить ее бы заново, Но,—увы!—пуста «мошна»: Он вчера для изучения «Капитала» том купил. Освещают мысли гения Ярче лампы и светил!..

У рабфаковца Егорова На штанине—7 заплат. Все дивятся:—Вот так здорово! Ты коллекцией богат!..

Что заплаты, коль ошпарено Сердце жаждою одной: Вместо глупых брюк,—«Бухарина» Приобрёл он у Страстной!..

У свердловца Вани Трошина И двух братьев—Клим и Лупп— На троих одна налошина: Их «дежурный мокроступ»!

— Что налоши! Мы уверены: Ценит их лишь идиот... В дождь на лекцию Чичерина Можно сбегать и без бот!..

У Ильи, свердловца бледного, Вид сконфужен, хоть и мил: Тетке он «Демьяна Бедного» Вместо гаруса купил!

У рабфаковца Саранчева— Сто рублей и... аппетит: Колбасы купить заманчиво. Но том Ленина манит.

— Роль еды переоценена!— Мысль рождается в мозгах. Так куплю сегодня «Ленина» А поем мне... на-днях!

Краснов Жало.

КОНТРАЛЬТО.

У Сонечки голос. Но что значит голос? У всех евреев, слава богу, есть голос. У Сонечки не голос, а контральто.

Господин Финкельштейн, так он же известный музыкант. На всех свадьбах играет. Так этот господин Финкельштейн устроил на весь город скандал, дай ему бог здоровья.

Как, вы не слыхали? Так это же был такой скандал! Разве это мать, говорит он. Это не мать, а черт знает что! У ее Сонечки контральто, а она молчит.

Что же мне спрашивается делать? Не молчать? Петь? Так ведь контральто не у меня, а у моей Сонечки. А у меня, как вам известно, обувная лавка. Паршивая лавченка, а от налогов жизнь кончается.

Но раз господин Финкельштейн говорит, значит надо ехать в Москву. А вы знаете сколько стоит билет до Москвы? Ой, даже и не спрашивайте. Но если надо, то надо.

Так вы думаете это так просто: взяли билет до Москвы, дали взятку за багаж и поехали прямо в консерваторию. Вы только послушайте: на пути в консерваторию надо стать сапожником. Такие теперь, ой господи, порядки. Для того, чтобы быть певицей, нужно быть сначала сапожником. В крайнем случае—хотя бы портным.

Вот вам и Москва!

Так что же вы думаете? Опять господин Финкельштейн. У этого Финкельштейна не голова, а государственная дума. А на что говорит у вас обувная лавка? Ботинки же сапожники и шьют. Ну, вы еще не догадлились?

Может быть, Сонечкин отец сам, когда-нибудь, шил ботинки. Это же еще предположим неизвестно. Чем же Сонечка виновата, что после ее рождения отец начал себе немножко торговать.

Умница Финкельштейн. И говорит он лучше, чем сам Керенский. Финкельштейн отправился во все очереди, куда следует, и принес самую настоящую бумажку. На бумажке написано, что Сонечка—дочь сапожника, что у нее контральто, что ее надо принять в консерваторию.

Ша, конечно. Она уже приехала. Во-первых, ей сказали в Москве «поздно».

Во-вторых, ей сказали в Москве «рано».

Что. Вы не понимаете? Ой, боже мой. Да какой же порядочный человек тут чтонибудь поймет.

«Поздно, говорят, вы приехали. Экзамены уже кончились». Вы это слыхали когда-нибудь на своем веку? Можно подумать, что экзамены у них на поезде. Уехал поезд, пропало.

А потом все-таки послушали ее контральто и сказали: «В консерваторию вам вообще рано».

Но что значит рано? Девушке 18 лет, ей пора мужа. Но я же не виноват, что у нее контральто.

Такие теперь, простите за выражение, большевистские порядки. Вот налоги—это они мастера.

М. Чарный.

ПЕСНЯ О НАКЛАДНОМ РАСХОДЕ.

На многих предприятиях при перезаключении колдоговоров администрация, в первую очередь, урезывает расходы на нужды завкомов под предлогом сокращения накладных расходов.

Нак ныне собирается красный хоз-спец
Снижать накладные расходы...
Он лишним затратам положит конец
И выведет роскошь из моды:
«Советскую,—молвит,—жалей деньги,
Я в кассе завода ее сберегу!»
От слова до дела—не больше, чем миг
В поядке ударной работы:
Мелькают страницы бухгалтерских книг.
Без умолку щелкают счеты...
И долго за полночь сидит счетовод,
От крупных убытков спасая завод.
Стрекочут машинки, и перья скрипят,
Ряд цифр балансируя точных...
Шуршат ассигновки для срочных оплат
Дежурств и работ сверхурочных.
Решительных мер намечается ряд.
Идут заседания. Строчится доклад:

«Поставив работу, как требует НОТ,
Мы строго проверили смету,—
И что же?.. Завком (на казенный-то счет)
Выписывал с мая газету!
И только ль газету?.. Нет, с ней приходил—
Не даром, за плату—журнал «Крокодил»!..
По нашим ли средствам подобный расход
В дензнаках текущего года?!
И долго ли сможет держаться завод
В тисках накладного расхода?..
Тут выводы ясны. Тут точка. Конец!»
И ахнул, докладом сраженный, хоз-спец.
«Тан вот, где таился грабитель-то наш?!
Доход уходил на газету!»...
И тут же, большой очинив карандаш,
Он внес сокращение в смету:
Пусть знают, что он и горяч, и ретив
В делах выполнения парт-директив!
Нет спору: должны мы,—тан все говорят—
Снижать накладные расходы:
Пора отказаться от лишних затрат
И вывести роскошь из моды!
Но дело, однако, не требует, чтоб...
Молясь по узам, разбить себе лоб.

Грамен.

Церковь „дыбом“.

Рис. Д. Моора.

В Пятигорске местный дьякон выступает по разным кафе и ресторанам, распевая двусмысленные песенки для пьяной публики.

ПОП (танцует камаринскую):

— Ох, пришел конец поповскому житью,
Вот с того-то я пою, пою, пою...

И чор у службу и процессии,—
Поищу другой профессии!..
Демьян Бедный.

ВИЛЫ В БОК.

Костромское учение.

Вот как описывает «Костромская Коммуна» землетрясение в Японии. С чувством, с толком, с расстановкой, со знанием дела:

Но эти цифры ничтожны в сравнении с теми жертвами и бедствиями, которые сейчас заносит история Японии.

От катастрофы пострадало больше половины населения всей страны (64 проц.), одно Токио дает 150 тысяч жертв, и совершенно погибшая Нокагама, насчитывающая 400.000 населения—один из крупнейших торгово-промышленных городов.

Землетрясение происходит оттого, что расплавленная лава, выбываясь наверх заставляя землю колебаться.

Когда под напором, лава доходит до верхушки гор, начинает литься на прилегающие местности, в своей стихии сжигая и снося деревни и города.

Япония представляет ряд подобных островов вулканического происхождения, около которых расположены города и столица Токио. По поступившим сведениям в Японии произошло: землетрясение, извержение вулканов, что и причинило пожар, проникновение воды в вулканы, что причинило взрыв, поднятие морского дна, отчего погибла гора Нокагама.

Милые костромичи! Не пишите о том чего не знаете, да еще таким сугубо «научным» языком. А то занесет вас «история» на какое-нибудь «поднятие дна»—вы и погибнете.

Власть тьмы.

В провинции, повидимому, горячо принялись за «оздоровление» кино:

В городе Яранске есть кинематограф. Картины демонстрируются, по афишам, разные, а на деле все одна и та-же.

Выключается свет. На экране появляются блестящие. Потом тьма. Снова блестящие. Снова тьма. Появляются неопределенные очертания каких-то гор. Тьма. Потом клубы дыма. Снова тьма. Блестки. Тьма. Дым. Блестки. И т. д. на протяжении нескольких часов.

Иногда на экране мелькает какой-нибудь граф или князь, отдельная любовная сценка, но редко.

«Крокодил» может дать яранцам добрый совет. Чем тратить на прокат подобных картин, не лучше ли устроить абсолютную темноту часика на три-четыре и назвать эту штуку «Бой негров темной ночью».

Результат будет не меньший.

Кизлярские просветители!

До сих пор г. Кизляр был известен только очень кислым вином. А с сегодняшнего дня он прославился так же и своей культурно-просветительной афишей, на которой черным по белому значится следующее:

Г. Кизляр.

В субботу 15 сентября 1923 г.

В честь ознаменования Союза Социалист. Советск. Республик.

БАЛ—КОЦЕРТ.

За красивое выполнение танца «Вальс», за красивые глаза, грацию и самые маленькие ножки будут выданы роскошные призы.

*Бюро знакомств.
Буфет с вином.*

и т. д.

Не понимает «Крокодил», какое отношение имеет «Бюро Знакомств» к Союзу Социалистич. Сов. Республик. Если кизлярцы и дальше пойдут по этому пути, то недалеко то время, когда в г. Кизляре откроется кафе с подачей крепких напитков под названием «Уголок Карла Маркса»...

Очень просто.

Гус Д. М.

Мы спросили у одного из музыкантов этого экзотического оркестра на сельско-хозяйственной выставке:

— Как называется эта индусская пьеса, которую вы играете?

— Очень просто: «Подписывайтесь на «Крокодил» вместе с «Рабочей Газетой»!»

Юрьевские козлы.

Козел № 1.

По сообщению газеты «Рабочий Край» в недавно организованной покосной артели завелся козел в лице т. Шанкина, заведующего этой артелью.

В жаркий день, работая 9—10 час., вытаскивая тяжелые колушки травы из болота, комсомолки не смеют отдохнуть 3—5 минут. Сейчас же слышится грозный выкрик: «Работайте!» и бедной 16—18-летней девушке приходится вставать и вновь работать до изнеможения.

В это время заведующий валается с некоторыми девушками дурного поведения на копнах и позволяет некрасивые выходки. Часто напиваясь пьяным, тов. Шанкин ходит по шалашам, безобразничает и пристаёт к молоденьким девочкам, так что они ставят на ночь сторожей, чтобы оградить себя от заведующего.

Нехорошо ведет себя гр. Шанкин, но еще хуже ведет себя администрация, пустившая козла в огород.

Козел № 2.

Юрьевский дантист В. Я. Кулигин, по сообщению той же газеты изобрел для своих пациентов новое успокоительное средство. Пользуясь нервной слабостью женщин и отсутствием свидетелей, он набрасывается на свою жертву с поцелуями.

Да, что это, братцы, у вас в Юрьевце воздух какой-то особенный, что ли?..

Свинская переписка.

Копия рапорта начальника Воздвиженского района от 17 августа с. г. на имя помначгубмилиции по городу:

6 сего августа в район поступило заявление от гр. КОЛЕСНИКОВА и ШЕСТОПАЛОВА, проживающих по М. Чудновской ул. д. № 26, о прилудившейся к ним во двор свинье, на каковом заявлении моим помощником т. Федоровым была сделана надпись: «уч. надзир 3 уч. для составления об этом протокола с производством описи и оценки свиньи». Когда уч. надз. Башкиров отправился исполнить поручение, т. - е. доставить свинью в район, то проживающий в этом же дворе зампредгубсуда т. СМЕРТЮКОВ всю переписку по означенному делу забрал, выдав ему прилагаемую при сем росписку в получении переписки и свиньи, заявив при вручении расписки уч. надз. Башкирову и присутствовавшему при этом мл. милиционеру Глинскому: «Я свинью подкормлю, а потом сшамаю».

Докладывая об изложенном—прошу ваших указаний по существу поступка зампредгубсуда Смертюкова.

Нач. Воздвиж. района Козлов.

Делопроизводитель (подпись).

Что остается делать «Крокодилу»?

Остается одно—подложить эту самую свинью т. Смертюкову.

Подкладываем...

„Жилищная политика“.

Давно уже ты, Крокодил, не занимался жилищными делами. И зря! Ты мог бы найти кое-что весьма занимательное. Вот, не хочешь ли?

В д. № 4 по Б. Кисловскому пер. жил некий профессор статистики Тарновский. Жил в довольно скверных комнатах и, наконец, подал заявление в правление т-ва с просьбой разрешить поменяться комнатами с каким-то Фишером. Правление согласилось, обмен совершился и ровно через две недели выяснилось, что гр. Тарновский получил комнату в доме КУБУ, по ордеру, как ученый; свои же комнаты просто-напросто продал.

Правление между тем взялось за Фишера, — оный оказался человеком весьма неопределенных и спекулятивных занятий. Но достаточно было слегка поднажать на него, как немедленно в правление посыпались бумажки: то удостоверение о том, что он, Фишер, состоит на службе у собственного своего сына, кстати сказать, никакого предприятия не имеющего и занимающегося «свободной торговлей», то справка от ком-служба загконторы Слуцкого упродкома о том, что сей муж состоит на иждивении у своего другого сына, инспектора этой конторы, а потому никаким квартирным обложениям не подлежит.

Не поможешь ли ты, тов. Крокодил, профессору Тарновскому продать еще одну комнату и не посоветуешь ли упродкомскому ком-службе снабдить гр. Фишера еще одним удостоверением, хотя бы о том, что он—Фишер—вовсе не Фишер, а новорожденный, состоит на молочном питании, и, следовательно, никаким обложениям не подлежит.

Москвич.

Хозрасчет.

Тов. Крокодил!

Будь настолько добр, воткни свои могучие, острые вилы в бок Нижегородскому Губернскому Коммунальному Отделу за то, что он изобилует или форменными преступниками или настоящими совдурками.

Дело в следующем: нынешним летом главную улицу Н.-Новгорода мостили местами камнем-булыжником, а местами — асфальтом. Надо полагать, что на это городское благоустройство пошло немало народных денег.

В настоящее время всю мостовую ломают только потому, что понадобилось проложить, вернее, возобновить трамвайную линию.

Тов. Крокодил! Ведь это явное, на глазах трудящихся, расхищение их достояния. Помогите!

Красный Штык.

„Бавария“ и Бавария.

В московских и петроградских пивных в неимоверном количестве потребляется пиво под марками «Новая Бавария» и «Старая Бавария».

Рис. Д. Мельникова.

— Ты за „Новую“ или за „Старую Баварию“?
— За новую Баварию, — за коммунистическую!

Американская рекорд-лэма.

М лый «Крокодил»!

На последней странице газеты «Извест. ВЦИК» от 12 сентября за № 205 (1942) помещено следующее объявление: «Почему столько жертв в Японии?». Дальше следует весьма «умное и дельное» пояснение Московской конторы «Богатый-Рекорд» Л. А. Миновича: «Потому, что там не было достаточного количества предохранительных от пожара

средств»: «во избежание народных бедствий приобретайте... (следует перечень автоматических огнетушителей).

Дорогой «Крокодил», объясни пожалуйста: «хорошо ли рекламировать свои изделия, пользуясь случаем народного бедствия, и правда ли, что Япония понесла столько жертв благодаря отсутствию сигнализаторов «Шев» Л. А. Миновича?»

Крокодил, одерни Миновича за полу!

Норотнин.

Сколько выпусков „Библиотек“ Крокодила ты приобрел?

Недопустимая халатность.

Дорогой Крокодил!

В одном из твоих номеров (№ 30/60) от 12 августа 1923 года в отделе архива я прочел про одного красноармейца, который из мертвых воскрес... А вот Никольско-Пестровский Сельсовет Рабочих (Пензенской г.) одному умершему рабочему дал сопроводительную на тот свет бумажку—вот она:

Удостоверение.

Настоящим Н.-Пестровский Сельсовет удостоверяет, что предъявитель сего гр-н с. Н.-Пестровки Петр Антонов Лопухов действительно умер 15 января с.г. и значится по книге за № 2.

За председателя К. Ламповщиков.

Секретарь Ивойлов.

К сожалению, оно написано три недели спустя после смерти. Эту недопустимую халатность со стороны Сельсовета нужно искоренить, ибо умерший должен получать сопроводительную во время, а именно, когда собирается уходить на тот свет.

Крокодил, подтяни!

Н. Л.

Почтовый ящик.

В. Фабричному.

«Так рушишь гордец непрочный,

Обезьянный милитар.

От Европы «непорочной»

Получив громады в дар».

Пафос, вложенный в ваши стихи, духу «Крокодила» несколько не соответствует.

Красавину. Тема уже использована. Не пойдет.

Николаю Полозову. Вашими бы устами, да мед пить — так это вы здорово разделяетесь и с Пуанкаре и с Керзоном. Мы поговорим о вас в Наркоминделе, может быть, там для вас местечко найдется.

Данилюку и Ахлину. Вы пишете, что в редакции «Красного Перца» вам говорили, что у вас обоих есть блестящие подлинного юмора.

Не клеветайте на «Красный Перец».

ПРОВИНЦИЯ.

Выкса—Кратеру, Царицын—Краснощекову, Ростов н/Дону—Савельичу, г. Рубцов (Алт. губ.)—Азе, Тулай-Поле—Семешко—Не пойдет.

Ст. Яхрома—Семенову. «Луна показала лишь свою лысину и небо раскраснелось словно после бани. Алые лучи вонзились в черные тучки»...

И не стыдно вам у Тургенёва списывать?

Смоленск—Ткаченко. «Похожий на фельетон» очерк на фельетон непохож вовсе.

Кольвань—Новому Человеку. Поповские темы наскучили. Попробуйте еще раз.

Редактор—Ред. Коллегия.

Издание „Рабочей Газеты“.

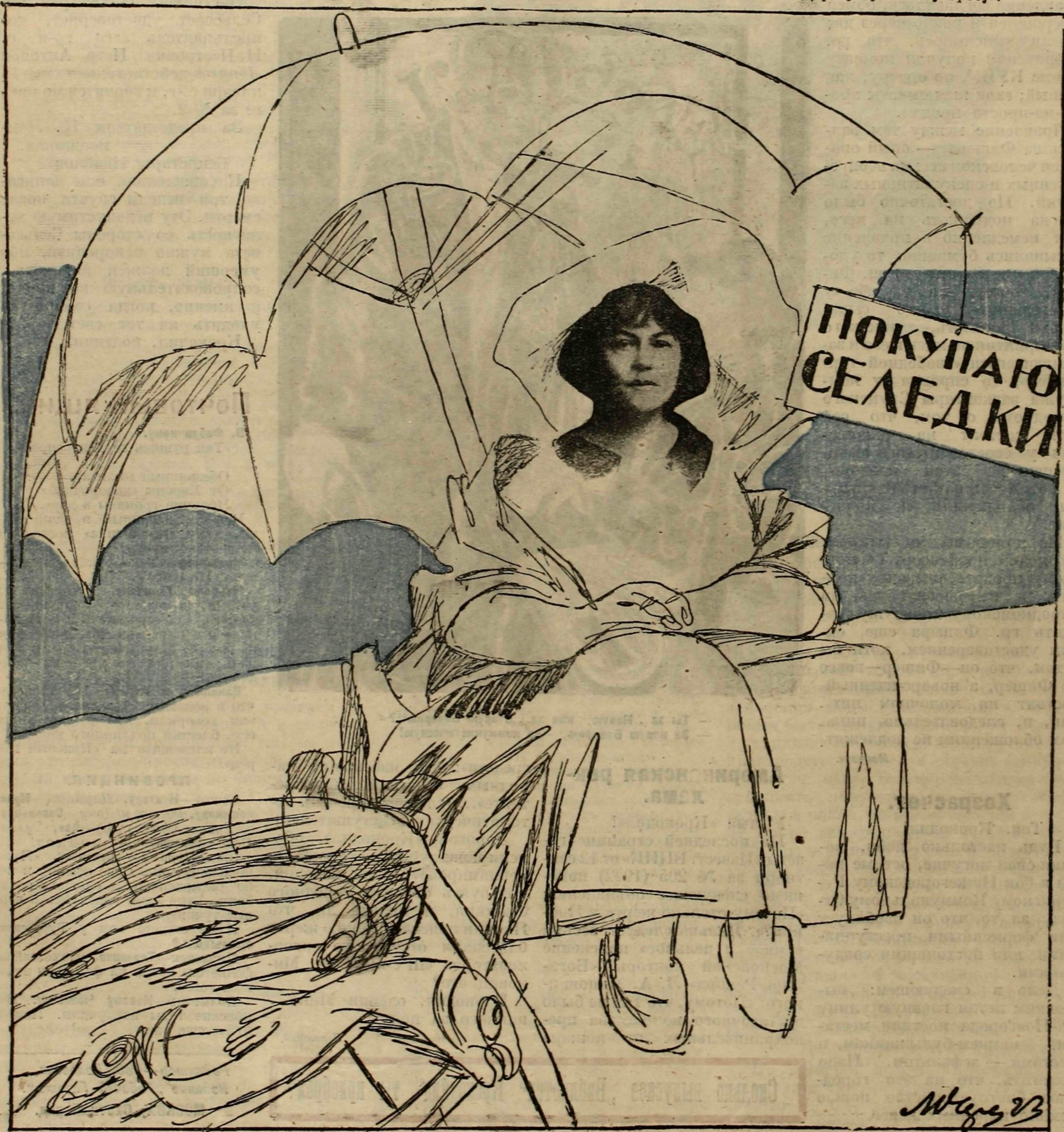
МОСКВА, Охотный ряд.

КРОКОДИЛ

Эрос и Меркурий.

Рис. М. Черемных.

Наш торгпред в Норвегии т. А. М. Коллонтай поместила в журнале «Молодая Гвардия» статью о любви под названием «Дорогу крылатому Эросу».

Т. КОЛЛОНТАЙ:—Селедки—дело не ароматичное, а натура у меня романтическая: вот и тянет меня на античное!..

М. Черемных